

Но что ещё труднее для Чжао Синьсинь было принять и понять, так это то, что университет и правда стал проводить официальное расследование по столь незначительному и маловажному делу!

В самом начале Чжао Синьсинь ещё думала, что университет, возможно, расследует это дело, потому что кто-то всё же активно подал жалобу, и если полностью проигнорировать её, это будет действительно не совсем правильно.

Поэтому она полагала, что даже если университет и развернёт расследование, то самое большее — сделает вид, чтобы обозначить свою позицию, и тем самым даст отчёт заявителю.

Но когда расследование университета постепенно углубилось, и в него оказалось вовлечено всё больше студентов, Чжао Синьсинь наконец с изумлением поняла: университет вовсе не просто делает вид, он намерен использовать это дело для проведения тщательного расследования — казнить курицу, чтобы припугнуть обезьян!

Если бы это дело коснулось кого-то другого, Чжао Синьсинь, вероятно, вообще не стала бы беспокоиться и даже посмеялась бы над ним. Но когда это дело коснулось её самой, ситуация стала совершенно иной.

В эти дни Чжао Синьсинь всё время тревожилась из-за этого дела, и по мере того как всё больше сокурсников проходило допрос, а результаты расследования всё ближе подбирались к источнику, эта тревога становилась всё сильнее.

Когда она запускала слухи, то, из соображений осторожности, рассказала об этом только одному человеку.

Этого человека звали Чжу Мин. Он был как её поклонником, так и её одноклассником по начальной школе.

Однако Чжао Синьсинь выбрала Чжу Мина не только потому, что он был беззаветно предан ей и всячески подлизывался и угождал, но и по другой, очень важной причине: этот парень был в классе известной трещоткой — практически любую новость, которую он узнавал, он мог разнести по всему классу и даже по всей школе.

На самом деле Чжао Синьсинь и раньше пользовалась этим, заставляя Чжу Мина распускать для неё слухи несколько раз, и каждый раз результат её полностью устраивал.

Именно поэтому, когда она решила взяться за Ань Яня, она почти не колебалась, утвердив этот план, а затем с помощью Чжу Мина превратила план в реальность.

Судя по скорости, с которой распространялись слухи, она действительно не ошиблась в выборе объекта. Но теперь проблема была в том, не проявится ли его трепло в другом виде, когда его

будут допрашивать, и не станет ли он источником беды, предав её.

Поначалу Чжао Синьсинь на самом деле не так сильно волновалась — в конце концов, учитывая, насколько этот человек был в неё влюблён, она полагала, что даже если у него вычтут все баллы, он всё равно не предаст её.

Однако по ходу расследования, когда всё больше сокурсников без колебаний сдавали своих друзей, а некоторые даже начали ложно оговаривать других, Чжао Синьсинь не могла не начать беспокоиться.

Как бы этот человек ни был в неё влюблён, когда дело касалось его собственных интересов, насколько весомой могла оказаться эта любовь?

Чжао Синьсинь сама была эгоистичным и корыстным человеком, поэтому, глядя на других, она тоже считала, что все люди такие. Чем больше она думала, тем сильнее волновалась, тем больше убеждалась: как только расследование доберётся до этого человека, он обязательно предаст её без малейших колебаний.

Как раз в этот момент одна из её бывших приятельниц, с которой у Чжао Синьсинь были неплохие отношения, нашла её и с любопытством спросила:

- Синьсинь, ты слышала? Оказывается, зачинщиком этого скандала со слухами был сам Чжу Мин. Хотя я раньше и слышала, как он говорил гадости про Ань Яня, но я не думала, что именно он окажется тем, кто распустил слух.

Чжао Синьсинь и так уже тревожилась об этом деле, а услышав эти слова, её сердце ёкнуло, и она сказала с очень неестественным выражением лица:

- Да неужели?

Однокурсница кивнула и с притворным недоумением спросила:

- Да. Как ты думаешь, зачем Чжу Мину было это делать? У него раньше не было никаких отношений с Ань Янём, зачем ему нарочно распускать слухи и очернять своего сокурсника?

Лицо Чжао Синьсинь стало ещё мрачнее:

- Я тоже не очень понимаю.

- Как думаешь, может, тут какая-то ошибка? - украдкой взглянув на Чжао Синьсинь, однокурсница нахмурилась. - Может, Чжу Мин вовсе не тот, кто распустил слухи, а просто услышал это от кого-то другого и тоже повторил пару слов, кто знает?

Чжао Синьсинь уже с трудом могла говорить. Она нахмурилась с недовольным видом:

- Я не хочу больше обсуждать это дело.

Однокурсница кивнула, разгладила морщинку на лбу и сказала:

- Ладно, не будем. Всё равно Чжу Мина вот-вот вызовут на допрос, тогда и узнаем, что к чему.

Но лицо Чжао Синьсинь вмиг напряглось:

- Ты сказала, Чжу Мина вот-вот вызовут на допрос?

Однокурсница кивнула:

- Да, я как раз потому и узнала об этом, что услышала, будто его вызывают.

Чжао Синьсинь несколько раз поменялась в лице и в конце концов, ничего не сказав, поспешно ушла.

Дойдя до безлюдного места, Чжао Синьсинь немедленно набрала Чжу Мина. Вызов был принят после первого же гудка.

Только что прошедший допрос в университете, Чжу Мин сейчас был в очень плохом моральном состоянии, но увидев, что звонит Чжао Синьсинь, он всё же сразу взял себя в руки и заговорил мягким голосом:

- Синьсинь, ты как...

Но не успел он закончить фразу, как его прервал резкий голос Чжао Синьсинь:

- Ты где сейчас?

Услышав напряжение в голосе Чжао Синьсинь, Чжу Мин с беспокойством спросил:

- Синьсинь, с тобой случилось что-то неприятное? Что бы ни случилось, ты можешь...

Однако на этот раз его снова безжалостно прервали, ответив ещё более нетерпеливым вопросом Чжао Синьсинь:

- Я спрашиваю, где ты сейчас? Ты не понимаешь моих слов?

Сейчас Чжао Синьсинь не могла обращать внимание ни на что другое. Все её мысли были заняты одним: она должна встретиться с Чжу Мином до того, как его вызовут на допрос, и помешать ему предать её.

Чжу Мин на мгновение опешил от допроса Чжао Синьсинь, его и без того плохое настроение

упало ещё ниже, но он всё же постарался сдержать свой тон и ответил:

- Я сейчас по дороге в общежитие.

Раз он был по дороге в общежитие, значит, его ещё не вызывали на допрос. Чжао Синьсинь вздохнула с облегчением и сказала:

- Не ходи пока в общежитие, мне нужно тебя кое о чём спросить. Встретимся на старом месте. Иди туда немедленно.

- Хорошо, - Чжу Мин никогда не отказывал Чжао Синьсинь, и на этот раз не стал исключением.

«Старым местом», о котором говорила Чжао Синьсинь, была кофейня в очень уединённом месте за пределами университета, где обычно бывало мало посетителей.

Чжао Синьсинь выбрала для встречи именно такое место, естественно, потому что не хотела, чтобы кто-то ещё видел её вместе с Чжу Мином.

Десять минут спустя Чжао Синьсинь вошла в эту кофейню. Чжу Мин уже ждал её в углу.

Увидев входящую Чжао Синьсинь, Чжу Мин поспешно встал, собираясь встретить её, но Чжао Синьсинь уже быстрым шагом подошла к нему и без предисловий спросила:

- Тебя ведь ещё не вызывали на допрос в университете, правда?

Чжу Мин на мгновение опешил от этого вопроса, его взгляд несколько раз метнулся в сторону, а затем он через силу улыбнулся и покачал головой:

- Нет, университет до меня не доберётся, не волнуйся.

Чжу Мин сказал так, потому что не хотел, чтобы Чжао Синьсинь волновалась. Ведь даже если бы университет действительно добрался до него, он ни за что бы не предал Синьсинь.

Лучше уж взять всё на себя, чем заставлять её волноваться и страдать вместе с ним.

Но для Чжао Синьсинь эти слова прозвучали совсем иначе. Она подумала, что Чжу Мин и правда собирается предать её, поэтому намеренно скрывает правду, чтобы не попасться с поличным.

Осознав это, Чжао Синьсинь, конечно, очень разозлилась, но сейчас был самый критический момент, и она не могла выплеснуть свой гнев, как раньше. Ей пришлось успокоиться и, стараясь говорить хладнокровно, произнести:

- Чжу Мин, я знаю, что это дело могло оказать на тебя некоторое негативное влияние, но тогда я правда не нарочно говорила тебе те слова. К тому же я не ожидала, что ты их разболтаешь.

Чжу Мин опешил, как будто не совсем понимал, что Чжао Синьсинь имеет в виду.

Когда Чжао Синьсинь только начинала говорить, ей, возможно, было немного совестно, но по мере того как она говорила, она всё больше убеждалась в своей правоте.

Она тогда всего лишь пожаловалась Чжу Мину. Если бы он сам не контролировал свой язык и не стал нарочно разносить эти слова, дело бы не зашло так далеко.

Так что в конечном итоге винить можно только самого Чжу Мина за то, что у него не такой уж и длинный язык.

Чем больше Чжао Синьсинь думала, тем больше убеждалась, что дело обстоит именно так, и её тон становился всё более самоуверенным:

- Так зачем же ты тогда нарочно разносил те слова? Ты что, хотел навредить мне?

К этому моменту Чжу Мин уже совсем оцепенел. Теперь-то он понял, что имеет в виду Чжао Синьсинь, но был совершенно не в силах это понять и принять.

Примерно полчаса назад его только что вызвали на допрос в университете, и в процессе он не обмолвился о Чжао Синьсинь ни единым словом.

Даже больше — чтобы не заставлять её волноваться, он вообще не собирался рассказывать ей об этом. Но он никак не ожидал, что его сдержанность и стойкость в итоге обернутся таким полным злобы допросом.

В этот момент Чжу Мин был даже слегка ошеломлён. В его памяти Чжао Синьсинь всегда была благородной и сдержанной. Даже если у неё и бывали маленькие капризы, в глазах Чжу Мина они были скорее милыми.

И только в этот момент, глядя на полный упрёка взгляд Чжао Синьсинь и слыша её вопросы, сочащиеся обвинением, Чжу Мин впервые осознал, насколько ошибочными были его мысли.

Человек, стоящий перед ним — где уж там благородство и сдержанность? Она была самым воплощением эгоизма и злобы.

Он вспомнил, как несколько дней назад Чжао Синьсинь намеренно очерняла Ань Яня у него на глазах. Хотя он прекрасно понимал её маленькие хитрости, он всё равно подсознательно и субъективно оправдывал её, как и каждый раз прежде.

А позже, когда Ань Янь доложил об этом в университет, Чжу Мин хоть и волновался, но ни разу не подумал впутывать Чжао Синьсинь.

Всё это было добровольно, и некого винить. К тому же Синьсинь всегда очень дорожила своей репутацией — как же он мог позволить этому делу повлиять на неё?

Тогда он ещё думал: когда это дело наконец закончится, может быть, отношение Синьсинь к нему немного изменится?

Даже если она по-прежнему не сможет принять его, но хотя бы при общении с ним не будет так избегать других людей?

Однако его мысли только-только зародились, он даже не успел как следует помечтать об этом, как реальность окатила его ледяным душем.

Этот ледяной душ не только погасил его прежние несбыточные фантазии, но и затушил всю его любовь и снисходительность к Чжао Синьсинь.

Только в этот момент он полностью осознал, насколько глупым был раньше. Возможно, в глазах Чжао Синьсинь он был даже не жалким паяцем?

Но в этот момент он не чувствовал ни гнева, ни отчаяния — только острую, пронизывающую иронию. Иронию над самим собой.

Он так долго бежал за ней с закрытыми глазами, не желая ни видеть, ни слышать, думая, что так сможет отгородиться от всей боли, а в итоге оказалось, что всё это были лишь его пустые мечты.

Чжу Мин услышал, как его собственный голос, необычайно спокойный, произнёс:

- Синьсинь, ты действительно так думаешь?

Чжао Синьсинь не знала всех этих внутренних переживаний Чжу Мина. Она слегка вскинула подбородок и самоуверенно заявила:

- А разве не так? Я тогда просто была в плохом настроении и сказала пару слов между прочим. Если бы ты сам не держал язык за зубами, разве всё разрослось бы до такой степени?

Чжу Мину почему-то захотелось рассмеяться:

- Значит, когда ты тогда с таким апломбом заявляла, что Ань Янь жульничал на вступительных экзаменах и неподобающими методами подлизывался к братьям Чэн, это, по-твоему, были просто слова между прочим?

Взгляд Чжао Синьсинь невольно заметался:

- Я... я тогда была слишком зла, поэтому так сказала. Кто ж знал, что ты согласишься. Как бы то ни было, главная ответственность за это дело лежит на тебе. Даже если я и говорила про Ань Яня гадости, я сказала их только тебе одному. Это ты распустил слухи, да ещё так, что о них узнали даже люди с других специальностей. Так что винить можешь только свою собственную любовь к сплетням.

Чжу Мин горько усмехнулся:

- Неужели это я люблю распускать слухи? Неужели ты до сих пор не поняла: всё, что я делал, я делал ради тебя?

- Хватит перекладывать ответственность! - Чжао Синьсинь, конечно же, не могла принять на себя эту вину. Она резко одёрнула его: - Даже если на этот раз я тебе и рассказала, а как же раньше? Раньше-то ты постоянно везде распускал слухи, и всем это известно!

Чжу Мин слегка опустил голову, и в его голосе была горечь:

- Если бы я так не делал, разве ты бы вообще помнила о моём существовании? Каждый раз, когда ты обо мне вспоминала, разве это было не для того, чтобы я помог тебе распустить слухи?

Чжу Мин действительно был в глазах всех треплом, который любил разносить любые новости. Но изначально он был не таким.

Однажды, случайно услышав, как Чжао Синьсинь жаловалась на другого сокурсника, он вдруг озарился, словно пробудившись ото сна, и понял, что есть возможность.

Если бы он мог быть полезен Чжао Синьсинь, может быть, она тогда обратила бы на него внимание?

С тех пор он постепенно и превратился в трепло в глазах окружающих. И именно с тех пор у него появилась возможность приблизиться к Чжао Синьсинь.

Тогда он ещё тайком радовался своим маленьким хитростям, и только сейчас осознал, насколько глупым и смешным было его поведение.

Он причинил боль другим и одурачил самого себя.

п/п:

«Казнить курицу, чтобы припугнуть обезьян» (□□□□) — китайская идиома (чэньюй), означающая «наказать одного, чтобы предостеречь других». Используется в контексте дисциплинарных мер, когда суровое наказание провинившегося служит предупреждением для

ВСЕХ ОСТАЛЬНЫХ.

<http://bllate.org/book/12415/1106137>